

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ ЖИЗНЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТАБЕЛКА
С. МОСКВА

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ на борту одного из кораблей советской эскадры, посетившей Эстонию (1939 г.).

Исполнилось 75 лет со дня рождения Всеволода Вишне-вского — выдающегося советского писателя, отважного воина, страстного публициста. Все свое дарование художника, все пламя романтической природы он отдал народу, партии, борьбе за мир, за светлое будущее людей. Основная тема Вишне-вского — гражданская война —

со всей страстью, присущей революционному художнику, воплощена в пьесах «Первая Конная», «Оптимистическая трагедия», в сценарии фильма «Мы из Кронштадта». С первых же дней Великой Отечественной войны Вишне-вский — на родной ему Балтике. В осажденном Ленинграде он едва ли не ежедневно пишет статьи, произ-

носит речи, вдохновлял бойцов на борьбу с врагом. Здесь, в блокированном городе, Вишне-вский создает пьесы «У стен Ленинграда» и вместе с писателями А. Кроном и В. Азаровым — героическую комедию «Раскинулось море широко», поставленную 7 ноября 1942 года на ленинградской сцене. В качестве корреспондента «Правды» Вишне-вский участвовал в победоносном наступлении советских войск на Берлин, присутствовал на Нюрнбергском процессе.

Сегодня мы публикуем выдержки из писем Всеволода Вишне-вского к литератору Марии Ангарской. Мария Николаевна — активная комсомолка 30-х годов, дочь старого коммуниста, участница трех революций, редактора и критика Н. С. Клеостова-Ангарского.

Передавая для публикации письма из своего личного архива, М. Н. Ангарская сказала:

— Познакомившись с Все-володом Витальевичем Вишне-вским, я с радостью обнару-жила, что у него, участника штурма Зимнего, и у моего отца много близких черт. Романтичнее (в самом высо-ком смысле этого слова) вос-приятие действительности, одержимость в борьбе за луч-шее будущее, умение трезво оценивать мировую обстанов-

ку. Более того — у них была одинаковая редакторская хватка, схожие литературные вкусы. Оба были страстными «охотниками» за молодыми талантами. Все это очень способствовало нашей дружбе, которая зародилась 21 января 1944 года. В этот памятный день наши войска заняли Мгу и тем самым полностью освободили Ленинград от вражеской блокады. Для Вишне-вского, одного из героических защитников Ленинграда, этот день был особенно счастли-вым.

Я многим обязана Вишне-вскому за то, что он расши-рил и углубил мои знания в вопросах культуры, за то, что учил масштабному видению событий, и, наконец, помог стать журналисткой. Его письма конца войны, есте-ственно, все более и более на-полняются дыханием будущего, пафосом торжествующей жизни.

Апрель 1944 г. Ленинград
...Весна идет победоносная. Я брожу по моему родному городу. Солнечное сияние удивительное — сквозь ла-зурь, облачную дымку виден голубой купол мечети, вели-колепный парк и влево — дворец Кшесинской, откуда с нами говорил Ленин. Иду со своими думами дальше, мимо старого корабля, на котором ходил в 22-м в за-граничное плавание. Вот там, на верхнем мостике, стоял вахту... Где еще суж-дено плавать? Тянет в широ-кий мир...

...Вчера работал весь день. Написал статью «702 года со-дня Ледового побоища»...

Вечером читал Гёте: лирику. Вот он, юный (период 1771—1775 гг.), проникнутый идеей о том, что не разум, а чув-ство управляет, двигает ми-ром, жизнью. Связанный с каждым явлением природы, заявляющий, что литература творится только в состоянии влюбленности, реагирующий на малейшее, казалось бы, ничтожное, воздействие из-вне. Идущий вперед, сменяю-щий юношеские, задорные ви-рши на философские стихи. А затем вновь кидющийся к лирическим вдохновениям, к абсолютному раскрытию. Стареющий, но упорный, бли-стающий, чувственный, не-прерывно расширяющий круг интересов и интенсивность своих порывов... Он живет абсолютно напряженно — и реальной жизнью, и вымы-слом, совершает воображае-мые странствия, творит на закате жизни самые совер-шенные стихи и перед кон-цом венчает жизнь страстью к 17-летней Ульрике.

...Сегодня весь день солн-це — страницы книги вдвой-не ослепительны: и от стихов Гёте, и от лучей солнца... Ра-ботаю с подъемом. Писал ли-стовки к фашистам о том, ка-кой «котел» им будет устроен в Прибалтике...

Вечер. Слушаю музыку, читаю. Взял одностопник Байрона — здесь лучшие пе-реводы. Смолк ради,

очень тихо, размеренно уда-ряет метроном. Читаю. Ве-роятно, в этом году перечитаю все, что меня интересует из мировой литературы, при-мерно «третьим туром». Это вызвано необходимостью «по-бродить по вершинам»...

Май 1944 г. Ленинград
...Пишу тебе письмо и щу-рюсь от солнца. Оно сияет и улыбается России, милому Ленинграду и светит насту-пающим армиям...

Мне хочется сделать очень многое — всю улыбку впе-чатлений дать народу с пре-дельной силой. Вынуть из груди все с кровью, с лю-бовью к России, которой я переполнен...

Сколько у меня мыслей о событиях, об их сути. Сколь-ко вспыхивающих литератур-ных замыслов... Мне столько хочется сказать!..

Июль 1944 г. Ленинград
...Размышляю о новой ра-боте, и образы Ленинграда, голубого, весеннего, входят в новую вещь уже почти ося-заемо... Тут будет вся мысли-мая амплитуда: и мрак, и смерть декабря 1941—января 1942, и наше неистовое упорство, упорство питерцев, некоего, от Петра и Ленина идущее, и все сияние надежд и побед 1943—1944 годов. Вижу, как вспыхивают от-дельные эпизоды. И как все

будет пронизано ветрами моря, гулом, сменой погод — так, чтобы зритель и засты-вал, и мерз с Ленинградом, и брел через туманы, и про-рывался к голубым далям... Я чувствую, как меня охва-тывают мысли, музыка ве-щи...

10 июля 1944 г. Ленинград
...Хожу по комнате, рас-крыл шкафы, летит пыль и клубится в лучах солнца. Я, измазанный, на ходу вчти-ваюсь в отдельные странички своих записей. Их уйма — 50 тетрадей! Три года. И из всего этого надо сделать зре-лище на два — два с полови-ной часа: упругое, сильное, острое, где страсть сочеталась бы с юмором, лирикой и где проза была бы спаяна с самой безудержной роман-тикой. Это должен быть фильм — служение России, защита нашего Ленинграда...

Я давно уже не затраги-вал так вплотную тем театр-а и кино. Все живет во мне, таится я, вероятно, вспыхнет... Я думаю о том, как можно в канонические формы ввести новые видоиз-менения, глубже раскрыть пластику драматургии, дина-мизировать ее... Человек со-временности чувствует, ви-дит, слышит острее, чем, ска-жем, 50 лет тому назад. И все эти моменты обострения нужно очень умело вносить в

современную драматургию. Дело не во внешних убыстре-ниях и формальных поисках, которые увлекали ряд ре-жиссеров, а в передаче духа, темпа, сути современных пе-реживаний. В использовании всего пространства сцены, в умелом нагнетении интереса, в умелом выделении общих и крупных планов, в использо-вании декораций не статиче-ских, а ЭВОЛЮЦИОНИ-РУЮЩИХ ВМЕСТЕ С МА-ТЕРИАЛОМ ДРАМАТУР-Г А. Все впечатления долж-ны быть использованы по-следовательно — игра, речь, фактура, музыка, свет и прочее должны подчиняться за-мыслу драматурга, гибко и непрерывно. Нужно созда-вать новый вид сценического действия, отвечающего духу, темпам, специфике совре-менного человека. Статика XIX века не должна давать на решения современных масте-ров, а она дает очень силь-но. «Бунты» новаторов на-чала этого века, двадцатых и тридцатых годов были в об-щем верны, нацелены, но но-ваторы еще не угадывали сути современного кино, са-мого реалистического из ис-кусств, не имели профессио-нального навыка... Мы жв этими навыками владем и можем искать новых синте-зов кино и театра, не меха-нических, а органических...

Публикация
Марии АНГАРСКОЙ

1976